3. *Pozdnyakov I. A.* Prodvizhenie rossiyskogo obrazovaniya v Kitae: vyizovyi i perspektivyi // Mezhdunarodnaya zhizn. 2017. N 11. S. 82–89.

4. Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii N 481 ot 20.05.2015 g. // URL: http://base.garant.ru/71032818/ (data obrascheniya: 23 noyabrya 2017 g.).

5. Pravitelstvennaya komissiya po delam sootechestvennikov za rubezhom (PKDSR) 28 sentyabrya 2016 g. // URL: http:// www.mid.ru /informaciya_o_zasedaniyah/-/ asset_publisher / 9EKpTswhmiOQ / content / id / 2475508 (data obrascheniya: 23 noyabrya 2017 g.).

6. Protokol 16-go zasedaniya Rossiysko-Kitayskoy komissii po gumanitarnomu sotrudnichestvu. S. 5 // URL: http:// minobrnauki.rf/ dokumentyi/8147/fayl/7487/Protokol-16.pdf. (data obrascheniya: 11 oktyabrya 2017 g.).

О. П. Семенец

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ЗАГОЛОВОК В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Прецедентный феномен, являясь механизмом свертывания, хранения и актуализации информации, востребован газетным дискурсом на протяжении двух последних столетий. Актуализация прецедентных феноменов в газетном дискурсе начала XXI века показывает как ставшие уже традиционными способы их функционирования в качестве моделей для создания заголовочных комплексов и особого идеологически значимого механизма репрезентации картины мира, а также относительно новые для данного дискурса способы выражения авторской оценки и структурирования смыслового пространства газетной статьи посредством создания языковой игры.

Ключевые слова: прецедентный феномен, газетный дискурс, коммуникативная стратегия, картина мира, языковая игра.

O. Semenets

THE PRECEDENT HEADLINE IN THE NEWSPAPER DISCOURSE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: TRADITION AND INNOVATION

Precedent phenomenon, as a mechanism of compression, storage and updating of information has been popular in the news discourse over the past two centuries. The actualization of the precedent phenomena in newspaper discourse of the beginning of the XXI century shows both traditional ways of their functioning as models for the creation of title complexes, as well as an ideologically significant special mechanism for the representation of the view of the world, and, relatively new to this discourse, ways of expressing the author's assessment and structuring of the semantic space of a newspaper article by creating a language game.

Keywords: precedent phenomenon, newspaper discourse, communicative strategy, view of the world, language game.

Интертекстуальность как проявление постмодернизма в культуре конца XX — начала XXI века является конструктивным принципом создания произведений разных видов искусства, а также текстов различных функциональных стилей. В эпоху, когда главной ценностью становится информация, доминирует принцип «культурной опосредованности», реализуемый через цитату в самом широком понимании, которая

теряет отсылочную и уточняющую функцию, становясь «залогом самовозрастания смысла текста» [8, с. 113].

Прецедентный феномен, понимаемый как единица ментально-языкового уровня, репрезентацией которого является культурно значимый текст, особенно востребован в речевой практике современной языковой личности. Прецедентные феномены, вербализуемые в виде цитат, имен, названий и представляющие собой готовые «интеллектуально-эмоциональные блоки», а также оценочные стереотипы, способствуют наиболее быстрой и компрессивной подаче информации, ускоряя и облегчая «переключение из “фактологического” контекста мысли в “ментальный” … и обратно» [6, с. 220]. Являясь механизмом свертывания, хранения и актуализации культурной информации, они используются говорящими в различных сферах общения, поскольку одновременно способствуют речевой экономии и расширяют смысловую перспективу текста за счет создания подтекстовых отсылок к широкому кругу фоновых знаний. Журналисты активно обращаются к прецедентным феноменам, поскольку, обладая относительно устойчивой формой и кругом предсказуемых значений и оценок, та или иная культурно значимая цитата способна реализовать конструктивные принципы языка публицистики — ориентацию на стандартность и поиск новых средств экспрессивности.

Введение в научный обиход понятия «дискурс» позволило изучать «язык в действии, в процессе организации, обработки и хранения информации» [1, с. 32], а совокупность текстов газеты не только как результат — продукт речемыслительной деятельности журналиста, но и как активность говорящего — живую речь, обусловленную когнитивными процессами кодирования и декодирования смыслов в ходе коммуникации между автором и читателем, то есть как динамическое когнитивно-коммуникативное явление [3], «относящееся к специфической социокультурной деятельности» [4, с. 112]. Именно этот подход позволяет уйти от распространившегося в современной лингвистике описательного подхода к функционированию прецедентных феноменов в газетном или любом другом типе дискурсов и интерпретировать эти единицы как элементы определенных коммуникативных стратегий субъектов дискурса, а также как механизмы экспликации фрагментов картины мира.

Прецедентный феномен является важнейшей единицей газетного дискурса различных эпох: интертекстуальные включения всегда активно использовались журналистами. Так, самые ранние примеры были обнаружены нами при анализе материалов газет «Северная пчела» и «Северный Меркурий» еще в конце 20-х годов XIX века. Изучая интертекстовые связи грибоедовского слова, мы обнаружили, что цитаты из «Горя от ума» не только вошли в ядро корпуса национальных прецедентных феноменов, но стали едва ли не самыми воспроизводимыми в газетной речи, наряду с цитатами из произведений А. С. Пушкина и И. А. Крылова. Собранные нами данные свидетельствуют о том, что уже на протяжении двух столетий явление прецедентности является базовой характеристикой газетного дискурса.

Став важнейшей структурно-семантической константой газетной речи, прецедентный феномен отражает ее специфику в ту или иную эпоху. Так, тот факт, что газетный дискурс 30-х годов XIX века находился под сильным влиянием традиций художественной литературы, представлен в способах актуализации культурно значимых цитат. Являясь по сути «чужим словом» в понимании М. М. Бахтина, прецедентный феномен реализует свою амбивалентную природу: с одной стороны, в некоторых контекстах его использование носит подчеркнуто цитатный характер, с другой — в целом ряде газетных статей, будучи присвоенным речевой сферой гово-

рящего, интертекстовое включение функционирует как расхожее выражение, речевое клише, утратившее свои связи с источником, и практически растворяется в принимающем контексте.

Говоря о бытовании грибоедовских цитат в эпоху формирования газетного дискурса, отметим, что они часто используются в качестве эпиграфа, например, в статье «Знакомство, или Светская философия» (СМ, 01–03.10.1830) авторская позиция выражается через высказывание: «Хоть честный человек, хоть нет, // Для нас равнехонько — про всех готов обед. Грибоедов». Эпиграф здесь задает вектор авторской оценки и выполняет резюмирующую функцию. Аналогично используется грибоедовская цитата в «Северной пчеле» (СП, 25.03.1835): рассуждая о современном кулинарном искусстве и застольных традициях, журналист предпосылает статье реплику Фамусова — «Ешь три часа, а в три дни не сварится! Горе от ума». В статье с эпиграфом: «Кто так рано приезжает? Мы первые… Грибоедов» (СМ, 06.03.1831) — описывается курьезный случай, когда из-за отсутствия барышень бал не состоялся. Разгневанные тем, что в прошлый раз многие приглашенные девушки прибыли раньше всех, в этот раз они, приехав и узнав, что являются первыми, разворачивались и уезжали.

Инотекстовая природа прецедентных феноменов осознается журналистами, что выражается в их стремлении актуализировать эти единицы в особых, относительно семантически автономных позициях, какими являются, в частности, эпиграфы. Включенное в текст газетной статьи грибоедовское слово зачастую оформляется как традиционная цитата: «Все забыто: горячка не продолжается по пятнадцати лет; любовь тоже. Какая любовь может тянуться пятнадцать лет! Грибоедов думал, что

Тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

Мы готовы даже смягчить этот срок на три месяца, и, кажется, будет ближе к правде» (СП, 12.10.1835). Цитаты в таком употреблении визуально обособляются от принимающего контекста и нередко сопровождаются подстрочными сносками, указывающими на источник и даже на более широкий контекст. Именно здесь, по нашему мнению, закладывается традиция выделения чужого слова, сопровождения его разными текстовыми и графическими маркерами прецедентности, комментирования через отсылку к тексту-источнику и его смыслам. Таким способом автор стремится избежать потенциальных коммуникативных неудач, связанных с возможным незнанием прецедентного феномена читателем.

Другим способом функционирования прецедентных феноменов в газете начала XIX века является привычное нам сегодня скрытое цитирование, когда грибоедовское слово бытует как речевой штамп для обозначения конкретных ситуаций, лишается маркирования и узнается лишь знающими текст-источник читателями. В примерах: «…пустота была так однообразна, как вид домов на главной улице, *со времен Очаковских и покоренья Крыма»* (здесь и далее курсив мой. — *О. С.*) (СП, 16.01.1835), «Это уже из рук: видно, что, по мнению автора: *водевиль есть вещь, а прочее все гиль*» (СП, 19.10.1835), «…Никогда еще не видел столь удачной галиматьи, как прилагаемое здесь письмо, написанное каким-то Прапорщиком *Новоземлянского мушкетерского полка, Скалозубова* батальона, по фамилии Хавронкиным» (СМ, 13.02.1831), «…этого не понимают и понимать не хотят наши доморощенные требователи новых идей, наши литературные *ценители и судьи*» (СП, 07.11.1835), «Взглянув на фигуру Философа: *Его халат, колпак, перст указательный, все признаки ученья…* тотчас поймешь, что это педант, говорящий свысока» (СП, 30.06.1834) и многих подобных — видно, что прецедентные феномены

бытуют в речи журналистов как готовые клише, выражающие набор смыслов и оценок, и фактически представляют собой речевые, а возможно, и газетные штампы своей эпохи.

Таким образом, на материале использования грибоедовского слова в периодических изданиях первой трети XIX века видно, с одной стороны, что газетный дискурс еще на заре своего формирования заложил традицию маркирования и комментирования прецедентных феноменов, актуализации их в близких к инициальным текстовых позициях, с другой — что, являясь средством выразительности, прецедентные феномены позволяют выявить специфику газетного дискурса в конкретный период времени (в данном случае ориентацию как на книжную традицию с ее культурой оформления ссылок, так и на разговорную с ее ассоциативным воспроизведением популярных цитат).

Принципиально иной статус имеет прецедентный феномен в газетном дискурсе второй половины XX и начала XXI века: он перестает использоваться в качестве эпиграфа в связи с неактуальностью данного структурного компонента газетной статьи, однако является одним из самых востребованных способов создания газетного заголовка (примечательно, что для газетного дискурса 30-х годов XIX века такой способ создания заголовочных комплексов не используется вовсе). Это скорее можно считать новаторством для газетного дискурса поздней эпохи. На протяжении второй половины XX века нами зафиксирован рост популярности прецедентных заголовков. На примере газеты «Комсомольская правда» видно, что если в 1950-е годы в месяц на газету приходилось 5–6 прецедентных заголовков, в 1960-е — 8, в 1980-е — 11, то в 1990-е — 68. При этом следует отметить, что среди рассмотренных нами ежедневных изданий (наряду с «Известиями» и «Советской Россией») «Комсомольская правда» на протяжении всего указанного периода являлась рекордсменом по количеству используемых цитат. Анализ газет за 2015–2017 годы показывает уменьшение количества прецедентных заголовков в среднем на 30% (для «Комсомольской правды» среднее число — 44 примера в месяц), а это значит, что пик популярности данного явления миновал, хотя оно остается довольно значимым. Примечателен и тот факт, что один и тот же материал, размещенный в бумажном варианте издания, имеет прецедентный заголовок, но лишается такового или заменяется на обычный номинативный, будучи представленным в онлайн версии соответствующего номера. Особенно это характерно для газет «Аргументы и факты» и «Известия» и реже для «Комсомольской правды».

Если инотекстовые включения ранее бытовали в качестве литературных реминисценций, то в газетах XX века они порой превращаются в штампы и сводятся к определенной модели для создания типовых заголовков. Еще в советских газетах закладывается традиция формирования набора «прецедентных моделей», содержащих в своей структуре слоты, заполняемые ситуативно обусловленными лексемами. Например, одной из самых популярных в советских газетах является прецедентная модель «история одного + N (объект)», восходящая к названию произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Варьирование лексемы слота обусловлено содержанием конкретной статьи: «История одного села» (Изв., 31.08.1957), «Крестьяне. История одного села, судьбы многих людей» (Изв., 01.06.1967), «История одного совхоза» (КП, 24.08.1957). Если первая ступень трансформации связана с заменой компонента на элемент одной ЛСГ «название населенных пунктов», что еще подкрепляется смысловыми связями с текстом-источником, то дисфункциональность употребления модели приводит к тому, что она потенциально может включать в себя любую лексему: «История одного сельсовета»

(СР, 07.09.1957), «История одного подвига» (Изв., 16.02.1967), «История одного клада» (КП, 23.08.1957), «История одного предательства» (Изв., 17.09.1967), «История одного экспоната» (КП, 20.06.1957). Таким образом, цитата, формирующая прецедентную модель, предельно десемантизируется и получает обобщенное типичное значение «рассказ о чем-либо».

Газетный дискурс советской эпохи формирует круг широко употребляемых прецедентных моделей: от названия популярного фильма «Укрощение огня» производится модель «Укрощение + N (объект)»: «Укрощение синусоиды» (КП, 29.01.1957), «Укрощение вулканов» (СР, 19.05.1977), «Укрощение потока» (СР, 27.08.1977), «Укрощение шара» (СР, 23.03.1977); от названия другого фильма «Алитет уходит в горы» — «N (субъект) + уходит + предлог + N (обстоятельство места)»: «Река уходит в горы» (Изв., 30.12.1967), «Тоннель уходит в гору» (Изв., 04.10.1977), «Трасса уходит в степь» (СР, 17.05.1967), «Игла уходит в небо» (КП, 23.10.1977), «Москиты уходят к морю» (СР, 09.05.1967), «Вышки уходят в тайгу» (СР, 25.05.1967); заглавие сказа П. П. Бажова «Хозяйка Медной горы» положено в основу модели «Хозяйка/хозяин/хозяева + N (атрибут) + N (объект)»: «Хозяева Ухтусских гор» (СР, 11.01.1957), «Хозяева Свинцовой горы» (КП, 29.03.1957), «Хозяйка белых квадратов» (КП, 05.07.1977), «Хозяйка виноградной лозы Людмила Урекяну» (Изв., 19.09.1967), «Хозяева медной горы» (Изв., 09.09.1977). Советский газетный дискурс демонстрирует огромное количество подобных прецедентных моделей и конкретных заголовков, созданных на их основе, объединенных предельно обобщенным номинативным значением и наличием общей оценочности, у рассмотренных нами выше моделей она исключительно положительная.

В дискурс газеты начала XXI века активно возвращается такой конструктивный принцип советского газетного заголовка, как прецедентная модель. В качестве подобных моделей активно бытуют названия произведений массовой культуры, получивших широкую известность. Например, название нашумевшей книги и снятого по ней фильма «50 оттенков серого» породило прецедентную модель «N (количество) + оттенков + N (объект)»: «50 оттенков осени» (КП, 04.10.2014), «50 оттенков пенного» — о разных сортах пива (КП, 29.09.2016), «50 оттенков рыжего» — об актуальном цвете волос (КП, 30.04.2016), «50 оттенков Первомая» (КП, 01.05.2015), «50 оттенков красоты» (КП, 14.03.2015), «50 оттенков Серова» — о юбилее музыканта (КП, 17.03.2015), «10 оттенков белого, или Как мы проверяли чистоту воздуха в Новосибирске» (КП, 13.02.2015), «98 оттенков “Джоконды”. Пенсионерка из Красноярска вышивает копии картин» (АиФ, 04.03.2017), «50 оттенков клоунов» — о мастер-классах для клоунов (Изв., 03.09.2015), «Миллиард оттенков желтого» — о перенаселенности Китая (АиФ, 08.02.2017).

Отличительной чертой современных прецедентных моделей является то, что они представляют собой «шаблоны-однодневки». Не связанные, как в советском газетном дискурсе, с определенными доминантами картины мира, они активны только «на злобу дня». Так произошло с рассмотренной моделью, пик популярности которой пришелся на 2015–2016 годы. В газетах 2017 года активно используется модель «В Питере + V (глагол)», восходящая к нашумевшей песне С. Шнурова «В Питере — пить»: «В Питере — жить. И лучше, чем в Москве» (КП, 18.08.2017), «В Питере — мыть» — о субботнике в Петербурге (КП, 15.05.2017), «“В Питере — употреблять”: Культурная столица перестала быть бандитской, но стала наркотической» (КП, 25.09.2017), «В Питере — есть: Путь к сердцу туриста лежит через желудок» (КП, 18.04.2017), «В Питере — делать деньги» — о самых богатых петер-

буржцах по версии журнала «Форбс» (КП, 21.06.2017), «В Питере — дружить» (КП, 03.04.2017), «В Питере — не пить!» (КП, 22.02.2017). Возможен вариант, когда заменяется первый компонент исходной фразы: «С Павликом — пить. Как футболисты Мамаев и Кокорин стали антигероями-2016» (АиФ, 15.12.2016). Цитаты, положенные в основу современных прецедентных моделей, автосемантичны, независимы от текста-источника и имеют самое обобщенное значение, например, модель «N (количество) + оттенков + N (объект)» используется в статьях, рассказывающих о большом количестве чего-либо, а «В Питере + V (глагол)» — о том, что обычно часто делается или следует делать в Санкт-Петербурге.

Обобщенность значения, а также принципы создания и смыслового варьирования таких и подобных моделей весьма традиционны, однако они менее долговечны. Здесь проявляется специфика современного газетного дискурса, представляющего собой «бурлящее варево из частотных слов, удачных или, наоборот, неудачных до курьезности фраз… характеризующее Present Continuous эпохи» [5, с. 33]; журналисты подхватывают и тиражируют модные и известные цитаты-однодневки, связанные с нашумевшими и не всегда значимыми в художественном отношении произведениями, которые переживают краткий миг популярности, на этой волне они становятся активно воспроизводимыми и вскоре заменяются новыми.

Актуализированный журналистом прецедентный феномен, генетически связанный с культурно значимым текстом и имеющий круг значений, мотивированных его смыслами, потенциально является источником коммуникативных неудач, поскольку в прецедентной компетенции читателя могут попросту отсутствовать соответствующие фоновые знания и представления. Интертекстовое включение в этом случае может быть воспринято буквально, вне связи с породившим его текстом, то есть как прямой, а не косвенный речевой акт, как одноуровневое линейное выражение, лишенное подтекста. Поэтому важным условием успешности коммуникации, включающей прецедентные феномены, «является наличие общего фонда знаний коммуникантов» [7, с. 99]. Проявлением стратегии коммуникативного сотрудничества можно считать введение системы маркеров прецедентности — лингвистических средств, указывающих на инотекстовое происхождение сопровождаемых их языковых единиц. Советский газетный дискурс обладал большим набором различных маркеров прецедентности, начиная от графических (кавычки, многоточие, восклицательные или вопросительные знаки, сопровождавшие заголовочную цитату) и заканчивая различными текстовыми (прямое указание на авторство, текст-источник, имя связанного с прецедентным высказыванием героя, подкрепление исходным контекстом). К концу XX века нами отмечен постепенный отказ от текстовых маркеров прецедентности при возрастании роли графических маркеров чужого слова в заголовочном комплексе. Увеличение количества актуализированных прецедентных феноменов создавало большой риск коммуникативных сбоев, поскольку журналист отказывался от коммуникативного сотрудничества, предполагая наличие у читателя такой же обширной прецедентной эрудиции, что не всегда оправдывалось.

Газетный дискурс начала XXI века возвращает популярность текстовым маркерам прецедентности, причем они часто становятся не просто информирующими упоминаниями текста-источника, а способом комментирования культурно значимого текста, следовательно, выражения авторской мотивации. Например, в статье «Уроки великого Гэтсби» (АиФ, 25.01.2017), посвященной новому президенту США, прецедентное имя является актуализатором целого вектора интертекстовых ассоциа-

ций, на которых строится смысловое пространство принимающего текста: «Интересный вопрос: читал ли новый американский президент *роман Фицджеральда*? И еще более интересно: сможет ли он преодолеть "*проклятие великого Гэтсби*"? И не станет ли он, как *герой Фицджеральда, заложником и жертвой безмерной власти денег, славы и тех сомнительных ценностей, которые они влекут за собой?* Сможет ли Д. Трамп извлечь уроки из судьбы одного из самых *известных героев американской и мировой литературы*? А уроки таковы: *богатство, особенно чрезмерное, далеко не всегда приносит счастье и дает в жизни искомый результат*. Любой моралист скажет: большие деньги и большая власть портят человека и нередко приводят к трагическому концу. *Дни великого Гэтсби — американца, нажившего огромное состояние на сомнительном бизнесе, заканчиваются трагически. Его убивают на собственной роскошной вилле в тот момент, когда он, казалось, достиг вершины успеха и счастья*». Статья включает не только указание на автора и текст-источник, но и актуализирует его смыслы, мотивирующие апелляцию к фоновым знаниям, на которых и строится сопоставление описанного в статье реального человека и соотносимого с ним литературного персонажа.

Аналогичный пример представляет собой статья «Что скажет дядя Ваня? Кто идет на смену поколениям XX века» (АиФ, 12.04.2017), в тексте которой журналист также мотивирует свое обращение к прецедентному феномену в заголовке: «В современном русском человеке, несмотря на все социальные, технологические и бытовые перемены, сохраняются многие *черты чеховского дяди Вани*. И неудивительно, что чеховская пьеса продолжает пользоваться огромным успехом. Спектакль в Театре Вахтангова уже многие годы идет с аншлагом. Людям хочется видеть этих героев, хочется слышать их слова: "*Что же делать, надо жить! Мы, дядя Ваня, будем жить… Будем терпеливо сносить испытания, будем трудиться для других… Мы услышим ангелов, мы увидим небо в алмазах… Я верую, верую…"* В чем истоки веры? Во-первых, русский человек привык к невзгодам и научился если не преодолевать их, то приспосабливаться. Во-вторых, он понимает, что "бывали хуже времена" и жизнь, хоть и медленно, налаживается. И, в-третьих, есть трезвое восприятие жизненных обстоятельств, заключенное в короткую фразу: а куда деваться? *Помните, как у Чехова: "Мы будем жить, дядя Ваня…"*». В целом стратегия маркирования и комментирования прецедентных феноменов реализуется в особом принципе построения текста и организации его смыслового пространства. Если ранее, в дискурсе газет эпохи перестройки и постперестроечного периода, вводя прецедентный феномен, журналист ограничивался намеком, оставляя читателя перед загадкой: чем вызвана актуализация прецедентного имени, что общего между героем реальным и вымышленным, то сегодня все чаще и чаще журналист подробно мотивирует обращение к фоновым знаниям, возможно, не надеясь на искушенность читателя, возможно, сомневаясь в адекватности интерпретации своего коммуникативного замысла.

Советский газетный дискурс сформировал определенную взаимосвязь между оценочностью прецедентных феноменов и важными для ценностной модели мира идеологемами. Так, строки А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, советской песни маркировали значимые в идеологическом отношении события и оценивались положительно, цитаты из зарубежной литературы служили средством создания заголовков о негативной жизни за рубежом, критика недостатков советского образа жизни всегда сопровождалась цитацией басен И. А. Крылова. Таким образом, прагматический потенциал прецедентных феноменов и закрепленная

за ними оценочность способствовали формированию и репрезентации некоторых фрагментов картины мира советского человека. В эпоху перестройки и в 1990-е годы эта традиция постепенно разрушается: любой прецедентный феномен может соотноситься с любым содержанием и выражать одновременно диаметрально противоположные оценки.

Полностью утратив статус оператора ценностной модели мира, прецедентный феномен в газетном дискурсе конца XX — начала XXI века становится как излюбленным способом создания газетного заголовка, так и механизмом включения его в стихию языковой игры. Такие заголовки обычно выполняют две основные функции — номинативную и функцию организации читательского внимания [9]. Газетный дискурс начала XXI века строится по принципам, выработанным в 1990-е годы, когда языковая игра становится самоцелью — «игра ради игры», а включенные в нее прецедентные феномены полностью десемантизируются, получают изолированное от смыслов текста-источника бытование и подвергаются главным образом лексической трансформации. В основном это замена конкретной лексемы цитаты на ситуационно обусловленную, поэтому такие заголовки практически анонсируют содержание статьи. Например:

«Полцарства за проезд» (КП, 10.01.2017 — о том, как существенно подорожал проезд), «На заре ты меня не беси» (КП, 11.01.2017 — критика неинтересного содержания утренних телеканалов), «Много под елочкой шариков мясных» (КП, 14–15.01.2017 — новогодний рецепт мясных тефтелей), «За что вы, девочки, драчливых любите» (18.01.2017 — о домашнем насилии), «Мой первый рубль, он трудный самый» (КП, 24.01.2017 — о том, как зарабатываются первые деньги), «Они сражались за Одина» (КП, 30.01.2017 — анонс фильма о древних племенах, поклонявшихся богу Одину), «МИРу — да! Ограничениям — нет!» (КП, 31.01.2017 — о платежной системе МИР), «Нет, не хочется вернуться в “Городок”» (КП, 31.01.2017 — о том, что Ю. Стоянов не планирует возобновлять программу «Городок»), «Парковка в Купчино странный предмет: то она есть, то ее нет» (КП, 02.02.2017), «Счастливые трусов не наблюдают» (КП, 28.02.2017 — о слишком откровенных нарядах знаменитости на светских мероприятиях), «Дорогая моя Рублевка» (АиФ, 18.02.2017 — о том, как дорого жить в элитном подмосковном районе), «Февраль. Достать чемодан и улететь на море» (АиФ, 09.02.2017 — о популярных в феврале туристических направлениях), «Генералы печальных откатов» (КП, 14.03.2017 — о новых фигурантах коррупционного скандала в армии), «А вас, Набиуллина, я попрошу остаться» (КП, 24.03.2017 — о продлении сроков полномочий Набиуллиной), «Сбежал Паук — невольник чести» (КП, 09.03.2017 — о том, что Сергей Троицкий (Паук) сбежал из тюрьмы в Черногории).

Прецедентный заголовок на основе цитаты, подверженной лексической трансформации, лишается интриги, содержание его становится довольно предсказуемым для читателя, чья гипотеза о предполагаемом содержании статьи строится вокруг замещенного компонента. Языковая игра здесь вызывает комический эффект при соотнесении исконной цитаты и трансформированной: чем в содержательном или оценочном плане они дальше друг от друга, тем он сильнее. Часто такой эффект производит неожиданность выбора цитаты или способ ее трансформации. Чтобы быть вовлеченным в эту игру, читателю достаточно вспомнить каноническую форму высказывания и сравнить его с трансформированным вариантом.

Вторым, но менее популярным способом обыгрывания цитаты в газетном заголовке является ее смысловая трансформация. При этом цитата оказывается в исходном, нетрансформированном виде, измене-

ниям подвергается ее значение: она лишается связи с исходным текстом, семантически опустошается за счет буквального понимания одной из лексем или всей фразы. Например:

«В дождливый серый день проскакал по городу олень» (КП, 02.02.2017 — в Петербурге на улице прохожие обнаружили оленя), «Ужель та самая Татьяна?» (КП, 10.02.2017 — Татьяна Навка открыла спортивную школу), «Я — главный экспонат» (КП, 10.02.2017 — Сергей Шнуров о своей персональной выставке), «Украшает мужика борода» (КП, 11.02.2017 — в продолжении фильма «50 оттенков серого» герой предстанет с бородой), «Бедная Лиза» (КП, 23.01.2017 — о том, как тяжело было Элизабет Тейлор на съемках фильма «Синяя птица»), «На ярмарку невест» (АиФ, 01.02.2017 — о том, как проходили ярмарки невест в старой Москве), «Счастье есть» (АиФ, 15.02.2017 — согласно опросу жители России стали счастливее), «Гвозди бы делать…» (АиФ, 22.02.2017 — о ситуации в экономике: необходимо налаживать производство товаров широкого потребления, в том числе гвоздей), «Следует шить!» (КП, 18.01.2017 — против закрытия швейной фабрики).

Такие заголовки, лишенные «замещенного компонента»-ориентира, задающего вектор для построения читательской гипотезы, могут вызвать как эффект обманутого, так и оправданного ожидания, однако все равно в достаточной степени являются предсказуемыми, потому что объект, о котором идет речь, и ключевое слово прецедентного заголовка связаны предметным значением, сам заголовок выполняет номинативную функцию и представляет собой семантическую модель для серии подобных, где все лексические компоненты заголовка десемантизируются и сопровождают лишь одно слово, являющееся мотивирующим, и таким образом сводятся к конструкции: «эта статья расскажет о (ключевое существительное)» — «о Татьяне», «о Лизе», «о ярмарке невест», «о счастье», «об олене», «о бороде», «о гвоздях» и т. д.

Газетный дискурс начала XXI века неожиданно дает примеры, когда актуализация прецедентного заголовка может стать способом организации статьи: цитата может обыгрываться и наполняться разными смыслами в самом тексте. Например, языковая игра может строиться на деметафоризации, понимаемой как «овеществление» метафоры» [2, с. 111], как в статье «Во всем мире тает лед» (Изв., 01–02.04.2017), посвященной выступлению В. В. Путина на Арктическом форуме. Строя заголовок на основе трансформации строчки из популярного хита «между нами тает лед», журналист избирает коммуникативную стратегию сотрудничества, предупреждая потенциальный коммуникативный сбой, для чего использует один из маркеров прецедентности — комментарий с указанием текста-источника процитированного в заголовке выражения: «*Припев поразившей сознание всей страны песни-вируса “Тает лед”*», который отлично подходил для описания диалога, развернувшегося на сцене архангельского драмтеатра. Здесь на пленарное заседание форума «Арктика — территория диалога», проходившего в Архангельске 29–30 марта 2017 года, собрались сразу три президента. Словосочетание «*лед тает*» в контексте статьи приобретает два плана выражения: сначала понимается буквально, как свободное сочетание слов. Процитировав президента России, где лексема «лед» используется в прямом значении («Мы вчера были на Земле Франца-Иосифа, смотрели там в пещере **лед**, накопившийся за несколько тысячелетий»), журналист резюмирует: «То есть *лед таял, тает и будет таять*, и может ли человечество остановить этот процесс — вопрос сложный». Далее, обобщая ответы на вопросы президента об отношениях между Россией и США, автор статьи обыгрывает заголовочное выражение уже в качестве фразеологически связанного сочетания: «То есть

на самом деле *лед тает* и в российско-американских отношениях, но в Арктике это происходит быстрее, чем хотелось бы, а тут, наоборот, медленнее». Таким образом, цитата формирует смысловую двуплановость содержания статьи, совмещая буквальное и метафорическое значение словосочетания, содержащегося в популярном выражении массовой культуры.

Подводя итог, отметим, что газетный дискурс начала XXI века демонстрирует сохранение традиций активного использования и трансформирования прецедентных феноменов в газетных заголовках, возрождает традицию маркирования и комментирования интертекстовых включений, реализуя стратегию предупреждения возможных коммуникативных неудач, вновь обращается к традиции создания шаблонных заголовков по прецедентным моделям. Среди нововведений следует отметить использование цитат-однодневок из массовой культуры в качестве базы для создания типовых прецедентных заголовков, а также формирование нового типа языковой игры, когда прецедентный заголовок, его пояснение, комментирование становится механизмом, организующим смысловое пространство соответствующей газетной статьи.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АиФ — «Аргументы и факты»
Изв. — «Известия»
КП — «Комсомольская правда»
СМ — «Северный Меркурий»
СП — «Северная пчела»
СР — «Советская Россия»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Медиадискурс — modus vivendi на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4. С. 30–33.

2. *Бабенко И. А.* Деметафоризация как характерная черта поэтики русской сатирической драматургии XIX–XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 111–115.

3. *Бобровская Г. В.* Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно-прагматической лингвистики // Грани познания. 2011. № 4 (14). URL: http://www.grani.vspu.ru/files/publics/1325146149.pdf

4. *Дейк ван Т. А.* Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста. М.: ВЦП, 1989.

5. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX веков). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.

7. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

8. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999.

9. *Фатеева Н. А.* Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

REFERENCES

1. *Alefirenko N. F.* Mediadiskurs — modus vivendi na rubezhe XX–XXI vv. // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009. N 4. S. 30–33.

2. *Babenko I. A.* Demetaforizatsiya kak harakternaya cherta poetiki russkoy satiricheskoy dramaturgii XIX–XX vv. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. N 4 (79). S. 111–115.

3. *Bobrovskaya G. V.* Gazetnyiy diskurs v problemnom pole kommunikativno-pragmaticheskoy lingvistiki // Grani poznaniya. 2011. N 4 (14). URL http://www.grani.vspu.ru/files/publics/1325146149.pdf

4. *Deyk van T. A.* Printsipyi kriticheskogo analiza diskursa // Perevod i lingvistika teksta. M.: VTsP, 1989.
5. *Dyimarskiy M. Ya.* Problemyi tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyiy tekst (na materiale russkoy prozyi XIX–XX vekov). SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999.
6. *Karaulov Yu. N.* Russkiy yazyik i yazyikovaya lichnost. 4-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2004.
7. *Krasnyih V. V.* «Svoy» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? M.: Gnozis, 2003.
8. *Rudnev V. P.* Slovar kulturyi HH veka. M.: Agraf, 1999.
9. *Fateeva N. A.* Sintez tselogo. Na puti k novoy poetike. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Е. С. Редкина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ТЕКСТОВ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
(опыт выявления частотной лексики)

Статья посвящена выявлению лексических доминант в текстах новейшей русской поэзии. Основанием для анализа служит список частотной лексики. Список составлен на материале поэтических произведений 60 авторов, опубликованных в период с 2012 по 2017 год в толстых литературных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Арион», «Урал», «Звезда», «Новая юность». В статье представлены наиболее частотные в новейшей поэзии лексемы, выделены доминантные семантические группы. Полученные результаты сопоставлены с данными о частотной лексике в текстах, составляющих поэтический подкорпус НКРЯ, и в текстах современной наивной поэзии. Рассматриваются особенности контекстуального функционирования лексемы «жизнь», одной из наиболее востребованных как в традиционной, так и в новейшей русской поэзии.

Ключевые слова: новейшая поэзия, современная поэзия, лексические доминанты, частотная лексика.

E. Redkina

LEXICAL DOMINANTS OF THE NEWER RUSSIAN POETRY TEXTS
(frequency vocabulary eduction)

The article describes lexical dominants in the texts of newer Russian poetry. The analysis is based on the list of frequency vocabulary compiled on the 60 authors poems. The source material is publications in the literary magazines «Novyj mir», «Oktyabr'«, «Ural», «Znamya», «Arion», «Zvezda», «Novaya yunost'« in the period from 2012 to 2017.

Keywords: newer Russian poetry, modern Russian poetry, lexical dominants, frequency vocabulary.

Новейшая русская поэзия, представленная широким кругом авторов, принадлежащих разным поколениям, традициям и литературным школам, является объектом внимания современных исследователей (Л. В. Зубовой, Н. А. Фатеевой, Н. М. Азаровой, Ю. Б. Орлицкого, О. И. Северской, Н. А. Николиной, Д. А. Суховей, А. Э. Скворцова и др.). В работах, обращенных к изучению творчества многих современных авторов, выделяются черты, специфичные для текстов русской поэзии последних лет. Рассматриваются стилистические, лексические, семантические, грамматические, жанровые,